

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

КОММУНИКАТИВНАЯ НАУКА КАК «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ»: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ

COMMUNICATIVE NAUKA AS «ALTERNATIVE»: PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL EXPLICATION

Г.Н. Калинина, О.Н. Римская
G.N. Kalinina, O.N. Rimskaya

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

e-mail: galakalinina@inbox.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Ключевые слова: наука, культура, коммуникация, научное сообщество, риторический подход, дискурс, альтернативная наука.

Key words: science, culture, communication, scientific community, rhetorical discourse approach, alternative science.

Аннотация. В статье на фоне «коммуникативного поворота» к пониманию и трактовке науки, кульминацией которого выступает «риторический подход», реализуется анализ коммуникативной науки, исследуется роль контекста межличностного общения научных коммуникаций с позиции признания социальности знания и действия.

Resume: Article on the background of the «communicative» turning to the understanding and interpretation of science, which is «a rhetorical approach», implemented by analysis of communicative science, explores the role of interpersonal context scientific communications with position recognition of sociability knowledge and actions.

Сразу же оговоримся: отрефлексировать природу науки и логику развития научной рациональности нельзя, выводя «за скобки» отношения науки с альтернативными стратегиями и оппозиционными формами знания, и, уж тем более, рассматривая науку изолированно от исторического генезиса «других» рациональных и ментально-когнитивных форм мирознания, от социокультурного контекста, в котором они вызревали и которым в известной мере были с необходимостью обусловлены.

Во-первых, потому, что такого типа «превращения» самостоятельно «живут своей жизнью» в системе в виде отдельного, качественно цельного явления наряду с другими, проходя через ряд метаморфоз в своем развитии, и трансформируясь в органическую, не менее сложную и развитую, чем «действующая» наука, конкретно-историческую целостность, только уже другого порядка. Во-вторых, социально-исторический и культурный контекст развития науки позволяет «высветить» взаимозависимость когнитивных и социальных аспектов науки, отношения между наукой и обществом в широком плане, ее представленность в формах коммуникации и духовного производства. Мы рассчитываем также углубить обоснование правомерности расширения интерпретативного и коммуникативного поля научного (по) знания (включая альтернативные, превращенные формы) до его понимания как мира человеческой деятельности и общения [См.: Петров, 1996; Петров, 2004; Огурцов,

2011], что активизирует необходимость новых подходов в области расширенной трактовки границ науки (в том числе и коммуникативных) и толкования научной нормы.

Сегодня достаточно уверенно позиции завоевывает *коммуникативный подход* к науке, в центре которого – осмысление форм контакта, общения между учеными и научными сообществами, что позволяет выявить роль и границы коммуникаций в росте научного знания, определить особенности научного сообщества и дисциплинарных структур знания, раскрыть нормативный характер методологических и этических правил, а также уточнить регулятивность принципа объективности истины и его нарушений. В существенной мере такое внимание к коммуникативным границам можно связывать с радикальными и свежими процессами в современной эпистемологии и философии науки. В их ряду: признание коммуникативной природы познания; многомерного образа реальности, имеющей объективные онтологические основы и отношений дополнительности, взаимодействия между ними; отказ от логического анализа знания в качестве определяющего, единственного и достаточного подхода к пониманию его природы; рождение (прежде всего, в связи с широкой трактовкой рациональности) целого ряда нетрадиционных и активно обсуждаемых в научных кругах методологий.

Напомним, что в истории науки особым вниманием к социокультурным детерминантам познания заметно отличался постпозитивистский этап, приветствовавший многообразие, взаимокритику методологических концепций и утверждающий относительность норм научно-познавательной деятельности. Прежде всего, это концепции Т. Куна, К. Поппера, С. Тулмина, И. Лакатоса, Дж. Агасси, П. Фейерабенда. Притом, оспаривались коммулятивистские и эволюционистские модели развития науки, симпатии и прерогативы отдавались неявным типам знания и тематического контекста.

Понятно, что эти установки «размывали» границы научных (и иных) коммуникаций, делая их менее жесткими и более подвижными, что шло в «разрез» с установками и основными принципами классической теории познания и в качестве альтернативы входило в противоречие с наукой классического типа, с ее традиционным, ортодоксальным пониманием и нормативной трактовкой. Наиболее ярко эти тенденции закономерно проявляются на «афтепостнеклассическом» этапе транснауки как «единого феномена, затрагивающего организацию и научных теорий, и эмпирического базиса науки [Моисеев, 2011: 90].

В рамках бинарной оппозиции ведущих современных подходов к анализу и трактовке науки (эпистемологический и культурно-исторический) формируются *разные образы науки*. С одной стороны, как системы понятий (различного уровня предложений), а с другой – анализ науки как культуры, при том, что общей объединительной тенденцией выступает технологизация мышления и его инструментализация. Данная альтернатива в виде крайних точек на континууме философских концепций науки выступает границей философских концепций структурализма и лингвистического анализа научного дискурса на этапе современного коммуникативного поворота в понимании науки (феномен коммуникативной науки как альтернативной ее модели).

Актуальные на сегодня концепции коммуникативного действия, в большинстве своем изначально ориентированные на «чисто» социологическую рефлексивность сегментов социальности, обогатившись достижениями лингвистики, по сути, привели к иному пониманию сообщества» »[Habermas, 1981]. Как отмечает А.П. Огурцов, знание (и культура в целом) были поняты не столько в контексте бытия, не столько в контексте коммуникаций, сколько как совокупность определенных коммуникативных действий» [Огурцов, 2011: 201], оказавшись отрефлексированными в категориях языка «трансцендентальной прагматики» (по Апелю) и языка «коммуникативного действия и сообщества» (по Хабермасу), выйдя за границы их понимания только в контексте коммуникаций. Примечательно, что для теорий коммуникативного действия (и коммуникативного сообщества) изначально были неприемлемыми трактовки (со) знания, редуцировавшие их к феноменам «личностного знания», где приоритеты, как известно, отдаются скрытому, неартикулированному типу знания. Напротив, теоретики коммуникативного действия в основание исследования когнитивных феноменов кладут «социальность» всякого знания и любого действия и коммуникативные сообщества разного рода, реализуя их изучение с позиций такого рода размерности. Эту особенность предельно ясно характеризует А.П. Огурцов, подчеркивая, что подход к изучению когнитивных феноменов с позиций размерности коммуникативного действия и сообщества уже сам по себе кардинально меняет постановку вопросов и способы их решения: знание оказывается одной из функций коммуникативного действия и

сообщества, «личное знание» - видом компетенции, а в нем вычленяются когнитивная база и прецедентные формы, коммуникативность знания предполагает выявление различных форм дискурса – от экспликативного до экспрессивного» [Огурцов, 2011: 202].

Коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание и предполагающее понимание и признание со стороны «Другого», выступает исходным пунктом анализа знания и культуры и поднимается (от этапа внутринаучного коммуникационного анализа) до уровня осмысления методологии как правил дискурса и коммуникаций. При этом его трансцендентальным условием является принцип универсализации, воплощенный в этике дискурса, нормы которой признаются всеми участниками и образуют его правила. Трансцендентальные предпосылки знания и культуры осмысливаются здесь в терминах предпосылочных «языковых игр» в сфере языкового сообщества. Само же когнитивное и культурное пространство (как совокупность представлений, алгоритмов восприятия, иерархизации, актуализации получаемой носителями конкретного лингвокультурного сообщества информации) образуют понятие когнитивной базы, как совокупности коллективных представлений участников коммуникации). В структуру коммуникации входят также аксиологическое понимание языковых выражений конкретным лингвокультурным сообществом и расширение процедуры понимания до осознания смысла алгоритма поведения.

Итак, на уровне предварительного обобщения можно констатировать.

Во-первых, очевидный поворот неклассической науки к изучению и анализу коммуникации радикальным образом трансформировал историографию гуманитарного и естественнонаучного знания. Это выражается в изменении прежней традиционной ситуации в сфере достижения научной новации в сторону признания роли «обмена дарами» между учеными как важнейшего первичного социокультурного и коммуникативного акта, лежащего в основании всех обществ. Под эгидой коммуникативного поворота в науковедческих исследованиях и в методологии гуманитарных наук вообще произошел переход к изучению различных форм когнитивного обмена между научными и другими эпистемологическими сообществами – так зазываемые «зоны обмена» информацией («коридорная ситуация», по М.К. Петрову), где, в частности, изучалось взаимоотношение науки с гражданским обществом.

Во-вторых, кардинальные изменения затронули также природу процедурного объяснения генезиса научного знания. В том смысле, что, как уточняет А.П. Огурцов, «теперь трансцендентализм выражается в исследовании условий и возможности коммуникативного сообщества (языкового, прежде всего), в анализе коммуникаций и дискурса» [Огурцов, 2011: 194], а сам трансцендентальный субъект «распался» на микросообщества, образующие между (и внутри себя) различного уровня и типа коммуникации.

Кроме того, на фоне проблематизации статуса теорий как репрезентаций (постструктуралистский подход) сомнению подвергся статус языка как репрезентации мира. Была обоснована его онтологичность в качестве важного фактора по формированию категоризации мира, а концепции лингвистической относительности, «сошедшие с арены», были восполнены концептуальным обоснованием онтологической относительности.

Кульминацией коммуникативного поворота стал так называемый «риторический подход» с характерным обращением к средствам неориторки и утверждающий ее значение в росте науки. Как известно, на роль риторики в росте науки определенно указал в П. Фейерабенд, показав значение аргументации в утверждении новой теории, что по сути означало новое видение научного знания и, следовательно, новые области философской проблематики и методологии науки, в числе которых были пересмотр идеи истинности научного знания во имя утверждения его правдоподобности; отказ от стандартна различения контекстов «открытия» и «оправдания»; осмысление процедур аргументирования, а не акта доказательства и др.

Примечательно, что в последнее время в «свете» названного «сдвига» в области философии науки заметен поиск универсального медиатора актов коммуникаций, восходящий к этапу постмодернистской философии науки. Дилемма выливается в постановку вопроса-выбора между неизменными стандартами (или практиками) рациональности (объективизм, догматизм), с одной стороны, и произвольным предпочтением одного множества стандартов (практик) конкурирующим множествам (релятивизм). В качестве универсального стандарта, избегающего обеих крайностей, рассматривается идея «присутствующего разума» (как совокупность научной аргументации, задающей границы

понимания мира через достижения консенсуса в научном сообществе). При том, однако, что он обретает параметры некоего «безличного мира», создающего условия для желаемого согласия. Сама же идея «присутствующего разума» резюмируется (и, соответственно, направлена) на построение теоретического дискурса «на основе универсального аргумента».

То есть, мы видим, что определенные предпосылки для распрямления научной области создаются (и стимулируются) под непосредственным влиянием культуры постмодернизма, отличительной чертой которого, как было показано, является приоритет языка над опытом – «вне текста не существует ничего». Предлагается заменить модернистскую теорию познания («предрассудок» эпохи Просвещения, претендовавший на получение объективной истины) «риторической философией», основанной на принципе «диалога – беседы». Сказанное выступает основанием для тезиса (в постмодернистской виртуальной реальности) «об исчезновении» объекта науки и о необходимости рассматривать процесс познания не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами. В связи с таким пониманием роли языка в познании придается большое значение проблемам интертекстуальности и деконструкции. Предполагается, что в ходе такого диалога происходит как бы растворение суверенной субъективности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст», в результате чего культура воспринимается единый интертекстом.

В значительной мере новый тип науки (и, соответственно, научной рациональности) задает когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы, провозглашающая легитимность плюралистического видения реальности и множественность познавательной деятельности. Она ориентирована на потребности «постмодернистского» сообщества с присущим ему многообразием ценностных ориентаций, горизонтов ожиданий, спектров интересов, где сознательное апеллирование к различным слоям потребителей продукции является важным условием выполнения научным сообществом своих коммуникативных функций, склоняя исследователя на «искусство многоязычия». Тот же факт, что в известной мере наука утрачивает функцию построения картины мира, объясняет озадаченность научного сообщества поисками новых оснований для реконструкции категории «рациональность», чтобы на основе переосмысления роли рационального в процессе познания задать его новые границы и горизонты в соответствии с требованиями, выдвигаемыми современной научной практикой. Причем, в рамках постановки данной задачи предлагаются различные варианты и модели ее современного решения. «Ставка» делается на методологическое мышление, которое, производя синтез рациональности, порождает новые формы человеческого мышления и деятельности, основанные на признании первичной ценности разума над другими формами познания.

В сфере анализа современного научного знания утверждается подход, согласно которому «понимание» научной ситуации может быть достигнуто нетрадиционными способами. Здесь симпатии и прерогативы отдаются таким понятиям, как правила, контроль, контекст, программа, «идеал естественного порядка» и другим, рождается целый ряд нетрадиционных методологий. Все чаще прообразом новой рациональности становится смесь духовности и религиозности, релятивизм, синергия и другие варианты. Свою «новую» форму научная рациональность обретает через разработку философских категорий (герменевтика, топосы, гуманитаристика и другие), Внимание исследователей науки фокусируется на возникновении нового знания из вненаучной сферы, причем, эти тенденции не рассматриваются более как аномалия. В отраслевых науках создаются новые (в том числе псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. По мнению значительной (если не основной) части методологически рефлектирующих исследователей, ставится под сомнение сама научная реальность как таковая, а границы науки становятся зыбкими и легко разрушаемыми. Утверждается, что постмодернизм представляет «рациональность особого рода», образ мышления, основным принципом которого является положение, что предмет и субъект исследования выступают равноправными творцами действительности, а исходным пунктом – утверждение «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть») (хотя, по сути, субъекта в постмодернизме нет, он «умер»).

То есть, специфика постпозитивистского этапа, делая разворот в сторону внимания к социокультурным детерминантам познания, провозглашает многообразие методологических концепций с их взаимной критикой, утверждает относительность норм научно-познавательной деятельности, оспаривает куммулятивистские и эволюционистские модели

развития науки, отдавая должное месту, роли и значению неявного типам знания и тематического контекста. В целом постмодерн «размывает» границы коммуникаций (тем самым и границы науки), в направлении их мягкости, аморфности и динамичности.

Как таковой, коммуникативный поворот в истории науки привел к уяснению значимости логических правил аргументирования науки для многообразных форм коммуникаций внутри научного сообществ и между ними. Негативная же часть этой «работы» оказалась чреватой деконструктивистской историографией науки, «замыканием» рациональных реконструкций истории науки преимущественно в пределах герменевтически истолковываемых коммуникаций между учёными. По большому счету, с коммуникативным поворотом в сегменте философии науки разрушаются всякие надежды на освоение наукой реальности и на изучение самой науки в этой перспективе, отказ от метаисторических и транскультурных определений науки и понимания ее границ, соответственно. Вероятно этим отчасти объясняется характерное для последнего периода неприятие этой деконструктивистской программы и начинается поиск универсальных и актуальных посредников коммуникации, единых норм и правил, создающих «безличный мир» рациональности (то есть её критериев, стандартов, регулятивов и методов).

Представляется симптоматичным, что сегодня на общем фоне альтернативных подходов к анализу науки, разворачивающих свои дискурсы в «полях притяжения» постмодернизма и утверждающих приоритетность границ коммуникативно понимаемой рациональности, набирает силу движение по переосмыслению ряда установочных идей (прежде всего, идеи «смерти автора и авторства» в позитивном направлении). По всей видимости, в настоящий момент начинается новый круг возврата к идее универсальности, ориентации на поиск универсальных норм и правил, в том числе и касающихся и научных коммуникаций. Причем, показательно, что осмысление радикальных новаций и тенденций, на границах столь сложного объекта рефлексии, каким является наука, ее сегодняшнее изучение именно с коммуникативной стороны, ощущает достаточно прочную «почву под ногами», нежели у истоков данного движения.

Поскольку современная наука предоставляет большой диапазон возможностей привлечения самых различных методов ее изучения, позволяющих полноценно осмыслить формы и стороны научной коммуникации, постольку эти процессы способствуют эффективности анализа коммуникативных границ научного знания, «альтернативной науки» на этапе (и с учетом особенностей) коммуникативного поворота в философии и истории науки. Так же они будут способствовать «вхождению» науки в культуру, извлечению пользы понимания науки как культуры [Калинина, 2012: 225].

Иначе говоря, в рамках коммуникативного подхода к анализу науки феномен альтернативной науки понимается как коммуникация, «освещенная» контекстом коммуникативного взаимодействия, нагруженного интенциональными смыслами и установкой на равноправное сознание Другого, а само (любое) коммуникативное взаимодействие обусловлено контекстом общения, присущего природе науке как таковой. И если мы признаем, что наука «соткана» из множества живых диалогических нитей в пространственно-временном континууме, то мы, тем самым должны понимать: научное знание оказывается направленным взаимодействием различных актов полагания смысла на границах с другими смыслами, достигнутыми через взаимопонимание в условиях диалогической коммуникации. Иначе говоря, научное исследование становится коммуникативным процессом, интерференцией актов коммуникации, подчиненной алгоритму взаимодействия членов научного сообщества, где нормы и образцы обеспечивают устойчивость научного знания, отлагаясь в системе дисциплинарной структуры науки, ее идеалах и стандартах научности.

Своеобразный «культурно инспирированный протест» против отождествления Разума с его упрощенной моделью (а не бунт иррационализма против диктатуры разума) содержала в себе романтическая модель альтернативной науки с характерной критикой «чистого» рационализма. Причем, это было не просто альтернативное движение, в центре критики которого оказалась ньютоновская наука, но вполне оправданная реакция на трудности и противоречия механистической картины мира, в которой не было удовлетворительного ответа на культурно обусловленные вопросы о природе и смысле человеческого существования, где из научной картины мира «выпадало» основное важное звено – *человеческая экзистенция*, а в мире вещей правил жесткий детерминизм. Это был симптоматичный вызов-протест против уравнивания человека с предельно

рационализированной природой и понимание важности наполнения новыми смыслами ценностного статуса свободного и целеустремленного творчества. Заметим, что противостояние романтической модели альтернативной науки «ньютоновской» (в дальнейшем – «классической») стратегии обнаруживает себя и сегодня в различных формах возобновления интереса к отвергнутым наукой идеям, обретая свое инобытие в отличных от научной сферах и нетрадиционных познавательных «нишах», в то время как идейная атмосфера романтической науки освещалась благородной идеей безграничных возможностей человеческого разума не в меньшей, в даже большей степени, чем рациональная наука ньютоновского образца и в значительной мере вдохновлялась ими.

На этапе постмодернистской культуры движение альтернативной науки выступает специфической (как правило, конфликтной) оппозиционной структурой между «научными коммуникациями и властью, старыми (традиционными) и новыми (альтернативными) формами коммуникации. Хотя анализ культурно-исторических, социальных и идеологических предпосылок альтернативной науки удостоверяет ее генезис как закономерной и правомерной по своей сущности реакции на одиозные формы организации науки и системы научного знания, как выражение неприятия роста инстанций власти внутри (и вовне) науки. Причем всегда формообразующим ингредиентом движения за альтернативную науку выступало (и является теперь) научное сообщество, понимаемое как коммуникация равноправных участников исследования и диалога, и представленное (по мере развития форм институционализации науки) в разных формах коммуникативного взаимодействия ученых. Надо сказать, что Формы коммуникации варьировались и трактовались (за всю историю науки) по-разному: «невидимая коллегия», университеты, академии, сеть научных обществ (королевское научное общество); также вынашивалась идея учреждения общеевропейской коммуникации ученых, в русле создания европейской системы коммуникаций в XVII в. Это был определенный тип коммуникации – «незримые коллегии», с доминированием принципа неформальных отношений в среде европейских ученых. Сегодня его аналогом выступает сеть коммуникативных объединений как альтернатива формальной, институциональной организации науки («научные школы», «невидимые колледжи», «сплоченные группы», «социальный круг» и другие функционирующие в общенациональных (а не только на местах) масштабах, но на тех же принципах построения, неформальные межличностные коммуникации).

Культурно-идеологическая база альтернативного типа науки определяется как контридеология в отношении науки как системы власти и относительно институционально организованной «Большой науки», а сама конструкция научной коммуникации выступала и играла роль фундаментального пласта науки. Сила и социальная роль этого альтернативного движения состояла в наличии межличностного пласта – научных коммуникаций между учеными, который всегда несет в себе эвристический потенциал, имеющий первостепенной важности значение в плодотворном развитии науки, обеспечивая ее неисчерпаемые горизонты. Вместе с тем границы ее идеологии были заключены в «узкие», с оттенком маргинальности, границы альтернативной (и уже потому неэффективной) контридеологии, носителями которой были и романтики, а также совокупный сегмент недовольных формами общения в социальном институте науки (несмотря на их принадлежность к таковому). К сожалению, последняя тенденция, набирая силу, увела (и уводит сегодня) науку по пути отказа от «живого», межличностного общения, подменяя его все в большей мере опосредованной научной коммуникацией, удельный вес которой идет по восходящей линии, вплоть до сегодняшнего дня, как негативный пример «чисто внешних» связей и все большего втягивания научное сообщество в систему легитимной власти.

Таким образом, границы науки в ее специфическом коммуникативном понимании определяются и существуют в плоскости отношений, которые задаются внутренними нормами коммуникативного научного сообщества как определенного, исторически сложившегося в формах коммуникации «набора» когнитивных правил, формирующих алгоритм общения и поведения всех членов-участников коммуникации. Сегодня *модель сосуществования* как «альтернативно-оппозиционной», так и государственной науки обогащается пониманием факта значимости контекста межличностного общения между коммуникативными сообществами как «генетической» составляющей природы науки как таковой.

В результате внешние границы коммуникаций выстраиваются на основе взаимодополнительности, а их визуализация фиксируется через сопряжение всех единиц

коммуникативного сообщества, понимаемого в качестве единой, коррелирующей друг с другом, множественной целостности. Такая модель, по нашему мнению, положительно работает на оптимизацию эвристического ресурса научного знания как двигателя прогресса. Однако нельзя с такой же очевидностью отрицать наличие напряженной оппозиции между «альтернативного типа» наукой (в «лице» контридеологии), с одной стороны, и «хорошей», официальной наукой, традиционно аккумулирующей и опосредующей «заданные» интересы легитимной власти и иных идеологически насыщенных структур, с другой.

В целом же мы считаем, что по отношению к альтернативному знанию и неортодоксальным познавательным формам разумно было бы попытаться возвыситься до уровня понимания «множественного» как многообразия форм, спаянных в конечном счете единством значения [Кассирер, 1995: 202]. Определенную матрицу такого понимания задает сегодня сама культура модернити. В наши дни особенно важно укрепиться в сознании того, что чем богаче явлено многообразие мира культуры (и с этих позиций – науки), тем сильнее связано оно в единстве (нет необходимости, преломляя эту проблему в теории познания, настаивать на обратном). Не менее важно при этом не потерять в сегодняшней плюралистичности путей и форм единой в своей сущности познавательной перспективы; при том, что рефлексия относительно будущего науки однозначно видится нам на пути выхода в широкую сферу культуры.

Список литературы References

1. Ильин В.В. Проблема начала науки // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1984. № 2. С. 34-42.
Il'in V.V. Problema nachala nauki // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki. M., 1984. № 2. S. 34-42.
2. Калинина Г.Н. Границы науки и превращенные формы знания. Монография. Белгород, 2012.
Kalinina G.N. Granitsy nauki i prevrashchennyye formy znaniya. Monografiya. Bel-gorod, 2012.
3. Кассирер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы // Культурология. XX века. Антология. М., 1995.
Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form: vvedeniye i postanovka problemy // Kul'turologiya. KHKH veka. Antologiya. M., 1995.
4. Моисеев В.И. Транснаучные измерения биоэтики / Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. М., 2011.
Moiseyev V.I. Transnauchnyye izmereniya bioetiki / Bioetika i gumanitarnaya eks-pertiza. Vyp. 5. M., 2011.
5. Неретина С.С. Тропы и концепты // Библиотека svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3664_neretina-tropi.php.
Neretina S.S. Tropu i kontsepty // Biblioteka svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3664_neretina-tropi.php.
6. Огурцов А.П. «Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3 частях». СПб., 2011. Ч. 3.
Ogurtsov A.P. «Filosofiya nauki. Dvadsatyy vek. Kontseptsii i problemy: V 3 chas-tyakh». SPb., 2011. CH. 3.
7. Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
Petrov M.K. Istoriko-filosofskiye issledovaniya. M., 1996.
8. Петров М.К. История европейской культурной традиции и её проблемы. М., 2004.
Petrov M.K. Istoriya yevropeyskoy kul'turnoy traditsii i yeyo problemy. M., 2004.
9. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов н/Д, 2003.
Potemkin A.V. Metafilosofskiye diatriby na beregakh Kiziterinki. Rostov n/D, 2003.